

РЕЦЕНЗИИ

З. А. Махаев. Структура слова в индоевропейских и германских языках. — М., изд-во «Наука», 1970. 286 стр.

Автор обращает внимание на необходимость исследовать как структуру, так и семантику германской лексики с внутренне-германской точки зрения. Он справедливо замечает, что общегерманская лексика не является механической суммой этимологий, установленных на основе современных германских языков (стр. 18—31). «Переплетение словообразовательных и словоизменительных рядов» (стр. 11), т. е. лексикализация и грамматикализация — это главные факторы изменений в лексике. Современное состояние индоевропейской семасиологии и этимологии исключает возможность построить общую теорию семантической экстраполяции (стр. 40, 47—48). Здесь надо добавить, что успехи в этой области зависят от теории универсалий, но только относительно эволюции грамматических категорий, в малой степени относительной лексики. Теория универсалий — важнейшее орудие внутренней реконструкции. Канта, однако, посвящающее главным образом структуре германского корня, о словах же речь идет только в кратких I и V главах. Эволюция структуры корня в германском — это явление перенетерпации (морфологического переразложения) и опрощения форм слова.

Анализируя во II главе структуру корней в германском, автор опирается на поэтический материал этимологических словарей, приведенный *in extenso*: 1) Фикса — Торса, 2) Ноуханссона, 3) частично Покорного, — но большей частью на собственные выборки из этимологических словарей индоевропейских и германских языков (стр. 63—117). Списки эти будут полезны и для исследований в будущем.

II глава, занимающая почти половину книги (стр. 51—181), в энциклопедической посвященности критике известного труда Э. Бенвениста, написанного в 1935 г. (*«Origines de la formation des noms en indo-européen»*). Там же находим и критическую оценку «ларингальной» теории и защиту индоевропейского происхождения вокализма *a* и глухих придыхательных.

Эволюция унаследованных индоевропейских корней в германском, возникновение новых корней является результатом процессов перенегратации, главным образом абсорбции корнем древних суффиксов и префиксов, причем следует отметить, что *детьмины в* (глава III, стр. 182—216), происходящие из суффиксов, представляются в общем же древним пластом, чем *преворы ми а и т* (из префиксов). В исследований до сих пор часто не различались индоевропейские и германские детерминанты, так что индоевропейские детерминанты определялись тоже как германские, хотя в германском они являются уже составной частью фонологической структуры корня. Примером такого ошибочного метода служит монография Ф. Шлехта (*«Der Ursprung der indogermanischen Deklination»*, 1947, стр. 182—184).

Вытеснение древних корней расширенными объясняется стремлением к морфологической кумуляции, к распространению избыточного признака. Пустой с семантической точки зрения детерминант становится составной частью корня. На стр. 199—208 находим список германских корней, в которых индоевропейский детерминант больше не вычленяется, на стр. 208—211 — германские корни, в которых вычленение еще допустимо. В любом случае вследствие процессов яникорпорации, внедрения детерминантов в состав корня, увеличивается число четырех- и пятиалогичных типов корня в германской (стр. 199). Но, с другой стороны, нельзя заключать, что в общегерманской детерминантам все же не было, т. е. что в германских корнях детерминанты никогда не вычленяются.

В IV главе (стр. 217—253) исследуется так называемое *s-nominal* в германских языках. Сначала приводятся примеры из древнегерманского, греческого, итальянского, славянского, балтийского языков (стр. 217—224), затем германский материал (стр. 224—242) и таблица типов чередования *s*: нуль, например: герм. *sk-*:

: *k*, *sk* : *k*, *sp* : *f* и т. д. (стр. 242—243). В германском языке *s-mobile* превышало в отношении его частотности и многообразия типов аналогичные явления в других индоевропейских языках. Автор выделяет две группы примеров, одну — с *s-mobile* германского происхождения, вторую — с *s-mobile* индоевропейским, но отсутствующим в германском. Вопреки некоторым взглядам, согласно которым *s-mobile* объясняется внешним сандхи или влиянием субстрата, автор разделяет мнение компаративистов, считавших его древним индоевропейским префиксом.

В V главе (стр. 254—273) автор возвращается к проблеме структуры слова (в индоевропейском и в германском). Он справедливо критикует взгляды Мейе, пытающегося характеризовать статус слова в индоевропейском на основе морфологических критерии (стр. 254—258). Здесь находим и критику его взглядов относительно роли проклитик и энклитик (стр. 262—263) и наличия префиксов (стр. 272). Опорой префиксального характера *s-mobile* служат, по автору, другие примеры чередования в *a-chal-yo* и *gaglas* с пулум, а именно *g^u:y*, *k*:пуль, *n*:пуль (стр. 265—271).

Много места занимают в книге списки п таблицы, много места посвящено также и критике теорий, которые лишь косвенно связаны с поставленной автором задачей. Так, например, критика труда Э. Бенвениста через 35 лет после его опубликования несколько опоздала и не вносит много в тематику книги в собственном смысле. Что касается статистического, а не динамического характера теории Э. Бенвениста, то с этим, думаю, автор ее сам согласился бы выше. Э. А. Макаев справедливо критикует сложившуюся в индоевропейской практике, когда в форме I *T₁eT₂T₃* *T₃* называется детерминативативом, а в форме II *T₁T₂eT₃* *T₃* — с уффиксом (стр. 159). Речь идет или о двух разных распространениях корня *T₁eT₂*, т. е. о детерминативе *T₃* и суффиксе *-T₃*, где наличие суффикса (*-T₃*) влечет за собой нулевую ступень корня (*T₁T₂*), или же о двух формах корня (*T₁eT₂* и *T₁T₂e*) и только об одном и том же распространении (*T₃*), которое называем суффиксом.

Теория Э. Бенвениста относится к раннеминдоевропейскому периоду, когда связь между *T₁eT₂T₃* и *T₁T₂eT₃* (так называемый *Schwebeablauf*) была еще живая и продуктивная. К этому периоду следует отнести и дифференциацию основных морфологических типов, ср.: 1) *T₁eT₂: T₁ T₂e*; 2) *T₁eT₂-T₃*; *T₁T₂e-T₃*; 3) *T₁eT₂-T₃*: *T₁eT₂-T₃*.

Типы 1, 2 характерны для флексии «открыты» (например, род. падеж ед. числа *-i-ēs*, *-u-ēs*, *-n-ēs* и т. д.), тип 3 — для флексии «закрытой» (например, род. падеж ед. числа *-e-i-s*, *-e-u-s*, *-e-n-s* и т. д.). Из типа 2 возникают атематические суффиксы:

/T₁eT₂-/T₁, /T₁T₂-/eT₃, из типа 3 — тематические суффиксы: */T₁eT₂/T₂e*. Кроме того, тип *T₁eT₂-T₃* является и источником детерминативов (*T₃*).

Для анализа германских корней эта теория имеет минимальное значение, так как *Schwebeablauf* перестал быть продуктивным морфологическим процессом в конце индоевропейской эпохи (ср.: J. Kurylowicz, *Indogermanische Grammatik*, II, стр. 221—223) и ограничен преимущественно корнями *set*. Неправильным представляется утверждение, что если теория Э. Бенвениста верна в отношении индоевропейского, то она должна быть тоже верна в отношении германского языка (стр. 130).

Что касается критики «ларингальной» теории (стр. 138), то Э. А. Макаев, конечно, прав, выступая против малонаучных ее применений, но выдает в обратную крайность, оспаривая, вместе с Уайзтом Кейлером, связь хеттского *h* с этой теорией (стр. 147). Ведь как раз эта фонема отвечает главным требованиям «ларингальной» теории: 1) исчезает перед глухой (хет. *hanki* = греч. *άγκι*; лат. *aln*; глагольное окончание *-ba* = *=dr-ind. -a*; греч. *-a*); 2) стягивается с предшествующей краткой в долготу (хет. *raħi* = лат. *pās-for*, слов. *raž-U*); 3) переходит в гласную между согласными (хет. *tarħi* < *tarħi* = вед. *tar-i-ti*).

Итак, в хеттском засвидетельствован по крайней мере один из элементов, отвечающий требованиям «ларингальной» теории. Из того факта, что в большинстве случаев протетические гласные греческого и армянского языков являются гласными позднего происхождения (например, перед *r*), не вытекает (стр. 175), что они никогда не отражают древних «ларингальных» (ср., например, греч. *ʔFydi* «дуть», хет. *hawat* «ветер», лат. *ventus*, гор. *winds*). Но аттическая редупликация здесь не причем. Что касается фонетической невероятности теории (стр. 138), то можно здесь указать на потерю в академском в схемах ларингальных и фарингальных звуков (*ʔ, h, ɬ, k, g*) за исключением *h*, влекущую за собой контракции и изменения тембра гласной.

Однако для учения о германском корне все это вряд ли имеет значение. В равной мере не имеет значения проблема отызывавшегося о токсикозе *a*, а также проблема происхождения глухих предыдательных. В рассуждениях Э. А. Макаева выступают некоторые фонологические недостатки. Ссылаясь на Трубецкого, Хоккета и ван Вельтена (стр. 143 и примеч. 83), Э. А. Макаев не допускает возможности существования системы гласных без гласной нижней подъема *a*, т. е., например, следующей системы:

[i]	[u]
[e]	[o]

Реконструировать мы можем только фонологическую систему, ее фонетическая реализация в общеиндоевропейском нам недоступна, а ее транскрипция условна. Можно, например, пользоваться и такими символами:

[i]	[u]
[ə]	[ɔ̄]

Утверждение Трубецкого и других правильно, но только с фонологической точки зрения: нет гласных среднего подъема без гласных верхнего и нижнего подъема; если существуют только два уровня, как, например, в общеславянском, то одна высокий (верхний подъем), а другой низкий (нижний подъем). Являлась ли общеславянская гласная нижнего подъема фонетически о или а — вопрос не только нераешимый, но и второстепенный.

Главным источником а в греческом, итальянском (латыни), кельтском, армянском языках надо признать и.е. Но и а, которые совпадают в большинстве индоевропейских языков с унаследованными о (в индоиранском а > о). Но в греческом и т. д. количество а значительно увеличилось благодаря переходу *r*, *l*, *u*, *υ* в *ar*, *al*, *an*, *am* перед гласной (кроме того, в армянском и перед согласной: *r*, *l* > *ra*, *la* в греческом; *u*, *υ* > *av*, *am* в бриттском). Но по сравнению с *r*, *l*, *u*, *υ* перед согласной, груши *ar*, *al*, *an*, *am* перед гласной содержали и было точно а, которое распространяется и перед согласной в морфологических категориях со ступенью нуль.

Так, например, в латыни некоторым ступень *ar*, *al* рядом с фонетическим ог, *en* и т. д. в кельтском *ar*, *al* рядом с фонетическим *ri*, *en* и т. д.

Соотношение *T₁εT₂*: нульевая ступень *T₁εT₂* (перед гласной) может тоже появиться за собой *T₁εT₂*: *T₁εT₂*, так как переход *T₁εT₂* > *T₁εT₂* = ε > а (устранение ε, появление вставного ε). Ср. примеры в *Indogermanische Grammatik*, II, стр. 243—248.

Когда цитируются примеры с и.е. я (Ф. А. Макаев, стр. 144—145), следует проанализировать их с точки зрения южноевропейской афофонии *e/o* : а, существующей рядом со старым чередованием *a/o* : нуль. Прежде всего надо упростить слова с дифтонгами, фонологически неопределенными, например: Историческое *ai*, *au* < *ai*, *au* или *ai*, *au* после исчезновения возможной парноглазной (арм. *taigr*, греч. *τόντης* и т. п.). Затем следует принять во внимание слова с возможным чередованием *e/o* : нуль, например: и.е. **ghōns*—*gūsъ*, **sol*—*scölъ*, **nos*—*nuosъ*, *ср.*

им. ед. **ghōns*(*z*)
им. ед. **ghōnsu*

род. ед. **ghōnsōs* > **ghansōs*
дат. ед. **ghōnsi* > **ghansi*

Оттуда и распространение в корне вокализма с слабых падежей: греч. (дор.) *χύν*, *χύνες*, лат. *onter*, в то время как в балт. (литов.) имеем переход **žoln̄s* > **žis* (основа на *i* и сохранение древнего вокализма с сильных падежей). Таким образом, различие между греч. *χύν* и литов. *žis* та же, что между греч. *την* и лат. *dentem* в др.-аггл. *τη*, греч. *δόντα*.

Подобным образом объясняется лат. *sāli*, *sālis*: слав. *solv*; лат. *nāres*, *nāsus*: слав. *nosъ*.

Для **kasnos* > лат. *cānus* принимает нульевую ступень **kañen* вместо **kaen* аналогично как в лат. *care* = osc. *kasil* от **kes* (греч. *κεῖσθω* «расколовся») или лат. *casēta* (рядом с *scēna*) < *secare* «резать». В др.-инд. *baib-* и, вероятно, в др.-и.и. *nas* «языц» валили полный вокализм о.

Слово **(d)akru* «слеза» имеет, кажется, древний префикс, но его а объясняется так же, как а в **kasnos* (другая возможность: первичное а- < Но- как в *āv̄t̄* = *āxem-panh1*). Нульевая ступень *T₁*, *T₂* вместо *T₁T₂* допустима, конечно, и в некоторых языках (литов. *plónčia*, др.-в.-нем. *zahar*), ср. *Indogermanische Grammatik*, II, стр. 245. § 314.

Вполне вероятно приписать слово «борода» в реальной (европейской и сибирской) лексике: ср. греч. *μαστάχης* *ευςъ*, которое распространялось по всей Западной Европе (итал. *mostaccia*, исп. *mostacho*, франц. *mostache*, англ. *moustache*). Ср. *l'arorophie en indo-européen*, стр. 194—195 и замечание Ф. А. Макаева (стр. 165) об инференциях языковых мигров, приводящей к многочисленным заимствованиям лексем.

Ввиду морфонологических и ареальных соображений существование в индоевропейском различия между о и а кажется весьма сомнительным.

Что касается долготы а (< *Нō* или *δН*), то она, конечно, отличается от о там, где существует различие а : ə. В германском и славянских языках тождество а : ə позволило за собой и тождество а (т. о. древнего *Нō*, *δН*) с ə, откуда герм. ə, слав. ə. В восточнобалтском а могло сохраниться благодаря возникновению новой долготы *ə (литов., латыш. ie). Ср. восточнобалтскую систему долгих гласных:

ī	ā
ī (< и.-е. ei, oi)	ā (< и.-е. ə)
ī (< и.-е. ə)	ā (< и.-е. Нō, δН)

Наоборот, в древнеирландском а совпало с ə (несмотря на различие а : ə) вследствие перехода дифтонга *eu*, *os*

в *ə*, откуда

<i>i</i>	<i>ə</i>
<i>e (< n.-e. ei)</i>	<i>o (< n.-e. eo,</i>
	<i>ou)</i>

ə (< n.-e. ə)

Эта система долгих гласных, совпадающая с унаследованной, соответствует пятичленной системе кратких.

Возражения автора против относительного позаднего, а именно индоиранского, возникновения глухих придыхательных являются недостаточными по фонологическим причинам. Приходится здесь учесть следующие обстоятельства:

1. Факт, что *n.-e. T* (глухие) и *Dh* (так называемые авокине приздыхательные) находятся в фонологической оппозиции, т. е. отличаются только *ə* и *im* фонологическим признаком, а не двумя (как др.-инд. *t* и *dh*). Ср. несовместимость *T* в начале и *Dh* в конце корня или наоборот. Ср. также чередование *-t-* и *-dh-* в таких суффиксах, как *-flost* и *-dholm* (лат. *-culum*; латов. *-klas*; слав. *-din*). Транскрипция (др.-инд.) *gh*, *dh*, *bh* не должна приводить нас здесь в заблуждение.

2. Этому противопоставлению *T : Dh* соответствует диссимиляция *Dh — Dh* в *T — Dh* в греческом языке. Но переход др.-инд. *Dh — Dh* в *D — Dh* совершился во время, когда система согласных распологала уже четырьмя членами *t : dh : th : bh/dh*. Диссимиляция *Dh — Dh*, *Th — Dh* в древнеиндийском считается познейшей, судя по иранскому *timba* (*< *khum-bka*), в др.-инд. *kumtha*.

3. Ограничение дистрибуции глухих придыхательных. Они в противоположность звонким никогда не появляются перед суффиксами или окончаниями на согласную (*-s*, *-t*), а исключительно перед гласными и сонантами. Перед согласными обязательно *-i* — например: *bhā-thi-s*, *śnāthi-tā*, *śnāthi-tr-* (но, например *ābhūtsi* *< budh*, *baddhā* *< bandh*, *dāgahī* *< dhā*). Обстоятельство, что сфера употребления древнеиндийского маркированного члена *Dh* шире сферы употребления *Th*, свидетельствует, по-видимому, о том, что древнеиндийское противопоставление *Th : Dh* не является древним, т. е. унаследованным из индоевропейского.

Автор справедливо отмечает две главные черты германского корня, отличающие его от индоевропейского (стр. 36, 181) — положительную (наличие корней с геминированной согласной) и отрицательную (отсутствие корней двусложных). Ср. «Indogermanische Grammatik», II, стр. 330, § 422; «Language», 43, 1967, стр. 446. Относительно геминации следует различать: 1) фонетическую (ср. III класс сильных глаголов); 2) морфологическую («Indogermanische Grammatik», II, стр. 343—345); 3) экспрессивную (там же, стр. 346—348).

Что касается структурных моделей корня в общегерманском (Э. А. Макаев, стр. 169—171, 181), то надо предпочесть классификацию, опирающуюся на структуру начальной и конечной групп согласных и видах. Как известно, коренная гласная образует вместе с конечной группой одно целое, обуславливающее количество слога, в то время как начальная группа вовсе не влияет на его количество. Конечные группы заключают в себе детерминативы, начальные же — *s-mobile* и другие, случайные преформанты. В чередовании гласных играют роль конечные группы, предшествующий согласный только частично.

Для определения детерминативов (стр. 195, 206, 207) автор предлагает несколько правил, между прочим и существование достаточно тесных семантических связей между производящей основой и производной формой, содержащей детерминатив. Это, конечно, довольно субъективный критерий, но вряд ли его можно заменить другим. Наверно, очень редки будут случаи, для которых возможно построение семантической пропорции «корень₁ : корень₁ + (данный) детерминатив : корень₂ : корень₂ + (данный) детерминатив с идентичной модификацией значения».

Такие структурально-семантические пропорции характерны обычно только для суффиксов. Для аффиксов же (*-s*, *-k-*) мы их совсем неходим. Это значит, что статус этих множеств аффиксов соответствует статусу детерминативов. Если с функциональной точки зрения мы отнимем в конце слова детерминативы от суффиксов, придется и множества аффиксы считать детерминативами и согласиться с Мейе, что индоевропейский не является настоящими префиксами (др.-инд. *a*, *an-*, *dis-*, этимология которых ясна, являются первыми, так же как и глагольные приставки, первыми членами слов-и и и, но не префиксами).

Среди преформантов *s-mobile* занимает особое и, по крайней мере в германском, значительное место. Существование других преформантов менее надежно. Для чередования *g^u : g* (стр. 265—267) принять можно не больше, чем два из приведенных примеров, так как лат. *v (vetare, va dum)* может соответствовать *n.-e. g^u* или *g*. Для *k* находим тоже только два достоверных случая (греч. *ostēon*; слав. *kosť*; др.-инд. *ajā*, латов. *oīā*; слав. *kosa*), в то время как все остальные противопоставления (*trōs*: *khēros*, *zīlēs*: *khulōs* и т. д.) свойственны только греческому. Преформант *d* защищается в **dakru* : **akru* «слеза», *n*, может быть, в *göt*, *days* «день»: др.-инд. *āhar*. Но в др.-инд. *tsārati* (литов. *selēti*) «призывать», *göt*, *zāgjāti* (др.-инд. *ad-pnāti*) «зажигать», др.-в.-нем. *zogen* (гот. *at-augjan*) «показать», др.-в.-нем.

тадел (тот.* *агад*) «робить» налико иудеевая ступень глагольной приставки **a-*, так что с исторической точки зрения все эти примеры являются сложениями.

Но во всяком случае настоящие преформанты, если примем их индоевропейское существование, когдато были элементами с семантической функцией, и проходит согласие с автором, что теории, которые для объяснения их происхождения ссылаются на сандхи, должны быть отвергнуты. Это касается, между прочим, теории Эдгертона (стр. 252), неправильно опиравшейся на матрическое сандхи Ригведы. Присасывать разговорному языку правила сандхи, обязательные в метрических произведениях, — большая методическая ошибка, испортившая тоже частично данную Эдгертоном новую формулировку правила Визверса.

Как объясняет продуктивность преформанты *s-mobile*? (Конечно, в список на стр. 224—243 следует включить и другие примеры: *gellan* : *skellan* и т. д. ср. *L'apophonie* стр. 378.)

Дело в том, что когда *s-mobile*, потеряя семантическую функцию, перестало быть настоющим префиксом, т. е. когда отвешение, например, *ker* : *s* + *ker* перешло в *ker* : *sker*, семантическое подчинение *s* + *ker* исчезло, но струту и управление подчинение формы *sker* форме *ker* осталось благодаря синквистеме *k* и *g(h)* (вообще варийных) после *s*:

kn- : g(h)a-
|sk-|

Это значит, что *sk-* являлось маркированным иою отношению к *ka-*, *ga-* и т. д. Между *ka-* и *sk-*, *ga-* и *sk-* благодарянейтрализации глухих и звонких после начального *s* возникло спогло рода отношение «структуральной деривации». Даже при совершенном семантическом тождестве форма *s* стала являться *к* синтаксической. Это объясняет тоже и продуктивность *s-mobile*. Ничего подобного не существует в случае других преформантов (*d* : *da-* и т. д.). Только отношение *ka- : sk-*, *ga- : sk-* можно назвать «редованием» в собственноном смысле, но не отношение *a- : da-*, *o- : ko-* и т. п.

Что касается сути дела, труд Э. А. Манаева — важный вклад в германское языкознание. Исследование структуры германского корня самого по себе, без по-

стоянного отношения его к пидоевропейскому, является задачей, которой до сих пор уделялось слишком мало внимания. Книга Э. А. Манаева — это возражение против смешения хронологических явлений, о котором автор говорит в заключении (стр. 274—278), приводя пример известной монографии Ф. Шихта о индоевропейском склонении. Можно полагать, что и здесь прогресс в области синхронии простирает свет на определенные проблемы морфологии.

Библиография богата, много информации находится в заметках и ссылках. Предметный и именной указатели значительно облегчают пользование книгой.

Опечатки и ошибки сравнительно немногочисленны:

Стр. 7 — *skwītī* (род. и дат. ед. ч.); 10 — латов. *semīā*; др.-инд. *ātātāv-*; арм. *atān*; греч. *āpīc*; 15 — др.-инд. *mōdīr*; 22 — др.-англ. *grēslān* (*grētan*); 44 — искд. «вода» (1); 57 — «голова»; 136 — *Laryngalθorie*; 141 — с продлевенной ступенью; 8 — 156 — др.-инд. *ātī-*; 168 и 206 — forme de fondation; 178 — *dābōbhīr*; 179 — *bruv-i-mahī*; 185 — др.-инд. *ātāta* «домашний»; 186 — п.-е. *mu-t-*; др.-исл. *smjor*; 191 — др.-англ. *bold*; 193 — др.-англ. *grindan*; герм. *red*; авест. *rādāiti*; 217 — *sākāt*, *paucā*; 265 — латов. *ongā*; 268 — латов. *ožkā*.

Стр. 137 — лат. *lūna* <* *lūnēnā* заменительное проявление (?); 150 — автор (Е. К.) никогда не предлагал «ариагальяно» и его интерпретации закона Бругмана, а только указывал на то, что др.-инд. 3-е лицо *ca-kār-a*; 1-е лицо *ca-kār-a* соответствует этому закону, в то время как возникновение самого закона морфонологическое (впрочем, ср. *L'apophonie*..., стр. 336—337); 151 — *trilītērē*, *bilētērē* являются во французской терминологии традиционными выражением подобно тому, как, например, *indogermanisch*; 173 — положение Шихта — Брандта, будто полная ступень, по сравнению с кувейтом, являлась вторичным образованием, независимо от исторической точки зрения. Но это не «возврат к практике индийских грамматиков» (Манаев, стр. 173), побоих дела касается синхронии, т. е. взаимного отображения основных и производных форм, образования слов с древней ступенью о пе (*«Indogermanische Grammatik*», II, стр. 281—288 и 308—311).

Е. Курилович